

Герцен А.И.
Былое и думы.
 Часть.4.

“В Москве, — говаривал Чаадаев, — каждого иностранца водят смотреть большую пушку¹ и большой колокол². Пушку, из которой стрелять нельзя, и колокол, который свалился³ прежде, чем звонил⁴. Удивительный город, в котором достопримечательности⁵ отличаются⁶ нелепостью⁷; или, может, этот большой колокол без языка — гаероглиф⁸, выражающий эту огромную немую страну, которую заселяет⁹ племя, назвавшее себя славянами, как будто удивляясь, что имеет слово человеческое”.

Чаадаев и славяне равно стояли перед неразгаданным¹⁰ сфинксом русской жизни, — сфинксом, спящим¹¹ под солдатской шинелью¹² и под царским надзором¹³; они равно спрашивали: “Что же из этого будет? Так жить невозможно: тягость¹⁴ и нелепость настоящего очевидны, невыносимы — где же выход?”

“Его нет”, — отвечал человек петровского периода, исключительно западной цивилизации, веривший при Александре в европейскую будущность России. Он печально¹⁵ указывал, к чему привели усилия целого века: образование дало только новые средства угнетения¹⁶, церковь сделалась одною тенью¹⁷, под которой покоится полиция; народ все выносит¹⁸, все терпит, правительство все давит¹⁹ и

---

¹ kanon

² kirkeklokke

³ Ramlet ned

⁴ klinge (som en klokke)

⁵ severdighet

⁶ utmerker seg ved

⁷ absurditet

⁸ hieroglyf

⁹ bli befolket av

¹⁰ som ikke lar seg, eller ikke er blitt tydet/gjettet

¹¹ som sover

¹² kappe, frakk

¹³ overoppsyn

¹⁴ last, byrde

¹⁵ med sorg

¹⁶ undertrykkelse

¹⁷ skygge

¹⁸ utholder

гнетет²⁰. “История других народов—повесть их освобождения. Русская история — развитие крепостного состояния²¹ и самодержавия²²”. Переворот²³ Петра сделал из нас худшее, что можно сделать из людей, — просвещенных рабов. Довольно мучились²⁴ мы в этом тяжелом, смутном²⁵ нравственном состоянии, не понятые народом, побитые правительством — пора отдохнуть²⁶, пора свести мир в свою душу, прислониться²⁷ к чему-нибудь... это почти значило “пора умереть”, и Чаадаев думал найти обещанный²⁸ всем страждущим и обремененным²⁹ покой в католической церкви.

С точки зрения западной цивилизации, так, как она выразилась во время реставраций³⁰, с точки зрения петровской Руси, взгляд этот совершенно оправдан. Славяне решили вопрос иначе.

В их решении лежало верное³¹ сознание живой души в народе, чутье³² их было пронизательнее³³ их разумения. Они поняли, что современное состояние России, как бы тягостно³⁴ ни было, — не смертельная болезнь. И в то время как у Чаадаева слабо мерцает³⁵ возможность спасения лиц, а не народа — у славян явно проглядывает мысль о гибели лиц, захваченных³⁶ современной эпохой, и вера в спасение народа. (135)

“Выход за нами, — говорили славяне, — выход в отречении³⁷ от петербургского периода, в возвращении³⁸ к народу, с которым нас разобщило³⁹ иностранное образование, иностранное правительство, воротимся⁴⁰ к прежним нравам!”

---

¹⁹ undertrykker

²⁰ underkue, undertrykke

²¹ крепостного состояния = livegenskap

²² autokrati

²³ omveltning

²⁴ pines, martres

²⁵ uklar, ubestemt

²⁶ puste ut, hvile

²⁷ lene seg mot noe

²⁸ lovede

²⁹ страждущим и обремененным = bibelsitat: ’som strever og har tungt å bære’

³⁰ restaurasjonen, tiden etter reformasjonen og motreformasjonen

³¹ korrekt, riktig

³² fornemmelse, følelse

³³ gjennomtrengende, penetrerende

³⁴ tung, vanskelig

³⁵ glimte, blinke

³⁶ som er fanget av

³⁷ forsakelse

³⁸ tilbakevending

³⁹ skille

⁴⁰ la oss vende tilbake

Но история не возвращается; жизнь богата тканями⁴¹, ей никогда не бывают нужны старые платья. Все восстановления⁴², все реставрации были всегда маскарадами. Мы видели две: ни легитимисты, не возвратились к временам Людовика XIV, ни республиканцы — к 8 термидору⁴³. Случившееся стоит писанного — его не вырубешь⁴⁴ топором⁴⁵.

Нам, сверх того, не к чему возвращаться. Государственная жизнь допетровской России была уродлива⁴⁶, бедна, дика — а к ней-то и хотели славяне возвратиться, хотя они и не признаются в этом; как же иначе объяснить все археологические воскрешения⁴⁷, поклонение нравам и обычаям⁴⁸ прежнего времени и самые попытки возвратиться не к- современной (и превосходной⁴⁹) одежде крестьян, а к старинным неуклюжим⁵⁰ костюмам.

Во всей России, кроме славянофилов, никто не носит мурмолок⁵¹. А. К. Аксаков оделся так национально, что народ на улицах принимал его за персианина⁵², как рассказывал, шутя, Чаадаев.

Возвращение к народу они тоже поняли грубо, в том роде, как большая часть западных демократов — принимая его совсем готовым. Они полагали, что делить⁵³ предрассудки⁵⁴ народа — значит быть с ним в единстве, что жертвовать⁵⁵ своим разумом, вместо того чтоб развивать разум в народе, — великий акт смирения⁵⁶. Отсюда натянута⁵⁷ набожность⁵⁸, исполнение⁵⁹ обрядов, которые при наивной вере трогательны⁶⁰ и оскорбительны⁶¹, когда в них видна преднамеренность⁶².

---

⁴¹ vevnad, stoffer, tøyer

⁴² gjenopprettelse

⁴³ termidor, måned i den franske kalender etter 1789-revolusjonen. 8. Termidor: datoen for Robespierres fall i 1794

⁴⁴ hugge

⁴⁵ med øks

⁴⁶ forvrenget, vanskapt

⁴⁷ gjenoppvekkelse.gjenoppliving

⁴⁸ skikker, seder

⁴⁹ ypperlig, førsteklasses

⁵⁰ klumpete, upraktisk

⁵¹ fotsid frakk fra 1600-tallet

⁵² perser

⁵³ dele

⁵⁴ fordommer

⁵⁵ ofre

⁵⁶ ydmykhet

⁵⁷ anstrengt, unaturlig

⁵⁸ fromhet

⁵⁹ utførelse

⁶⁰ rørende

Лучшее доказательство⁶³, что возвращение славян к народу не было действительным, состоит в том, что они не возбудили в нем никакого сочувствия⁶⁴. Ни византийская церковь, ни Грановитая палата⁶⁵ ничего больше не дадут для будущего развития славянского мира. Возвратиться к селу, к артели⁶⁶ работников, к мирской сходке⁶⁷, к казачеству⁶⁸ — другое дело; но возвратиться не для того, чтоб их закрепить в неподвижных⁶⁹ азиатских кристаллизациях, а для того, чтоб развить, освободить начала, на которых они основаны, очистить⁷⁰ от всего наносного⁷¹, искажающего⁷², от дикого мяса, которым они обросли⁷³, — в этом, конечно, наше призвание⁷⁴. Но не надобно ошибаться; все это далеко за пределом⁷⁵ государства; московский период так же мало поможет тут, как петербургский; он же никогда и не был лучше его. Новгородский вечевого колокол⁷⁶ был только перелит⁷⁷ в пушку Петром, а снят с колокольни⁷⁸ Иоанном Васильевичем⁷⁹; крепостное состояние только закреплено ревизией⁸⁰ при Петре, а введено Годуновым⁸¹; в “Уложении⁸²” уже нет и помину⁸³ цаловальников⁸⁴, и кнут⁸⁵, батоги⁸⁶, плети⁸⁷ являются гораздо прежде шпицрутенов⁸⁸ и фухтелей⁸⁹.

---

⁶¹ fornærmelige

⁶² (omtrent): med en bakenforliggende hensikt

⁶³ bevis

⁶⁴ sympati, medfølelse

⁶⁵ Грановитая палата = granitt-kammeret, et rom i et av husene i Kreml, fra middelalderen

⁶⁶ fellesskap av håndverkere

⁶⁷ мирской сходке = landsbymøte

⁶⁸ kosakkvesenet

⁶⁹ ubevegelig

⁷⁰ rense

⁷¹ avleiret

⁷² som forvrenger

⁷³ gro over med, gro ned

⁷⁴ kall

⁷⁵ grensen, далеко за пределом = langt bortenfor

⁷⁶ vetsje-klokken. Vetsje = folkeforsamlingen, tinget, i det gamle russland

⁷⁷ støpt om

⁷⁸ klokketårn

⁷⁹ Иоанном Васильевичем = Ivan den 4, den grusomme

⁸⁰ en slags folketelling

⁸¹ boris godunov, russisk tsar på slutten av 1500-tallet

⁸² russisk lovsamling fra 1648

⁸³ ikke nevnt med et ord

⁸⁴ historisk ikke i ordbok

⁸⁵ knutt, pisk

⁸⁶ historisk ikke i ordbok

⁸⁷ pisk

⁸⁸ spissrotgang

⁸⁹ historisk, tysk militær avstraffelsesmetode: Slå med flatsiden av sabelen

Ошибка славян⁹⁰ состояла в том, что им кажется, что Россия имела когда-то свойственное ей развитие, затемненное⁹¹ разными событиями и, наконец, петербургским периодом. Россия никогда не имела этого развития и не могла иметь. То, что приходит теперь к сознанию у нас, то, что начинает мерцать в мысли, в предчувствии⁹², то, что существовало бессознательно⁹³ в крестьянской избе и на поле⁹⁴, то теперь только всходит на пажитях⁹⁵ истории, утучненных⁹⁶ кровью, слезами и потом двадцати поколений⁹⁷.

Это основы нашего быта — не воспоминания⁹⁸, это — живые стихии⁹⁹, существующие не в летописях¹⁰⁰, а в настоящем¹⁰¹; но они только уцелели¹⁰² под трудным историческим выработыванием государственного единства и под государственным гнетом только сохранились, но не развились. Я даже сомневаюсь, нашлись ли бы внутренние силы для их развития без петровского периода, без периода европейского образования.

Непосредственных¹⁰³ основ быта¹⁰⁴ недостаточно. В Индии до сих пор испокон века¹⁰⁵ существует сельская община¹⁰⁶, очень сходная¹⁰⁷ с нашей и основанная на разделе¹⁰⁸ полей; однако индийцы с ней недалеко ушли.

Одна мощная¹⁰⁹ мысль Запада, к которой примыкает¹¹⁰ вся длинная история его, в состоянии оплодотворить¹¹¹ зародыши¹¹², дремлющие¹¹³ в патриархальном быту

---

⁹⁰ i denne teksten bruker Gercen 'slavjane' nesten alltid som synonym til 'slavofilene'

⁹¹ formørket

⁹² forutfølese, forutanelse

⁹³ ubevisst

⁹⁴ eng, mark

⁹⁵ ikke i ordbok

⁹⁶ tykne, koagulere

⁹⁷ generasjoner

⁹⁸ erindring,

⁹⁹ naturkrefter, elementerkrefter

¹⁰⁰ krønikene

¹⁰¹ nåtiden

¹⁰² overleve,

¹⁰³ umiddelbar

¹⁰⁴ verdagsliv

¹⁰⁵ i uminnelige tider

¹⁰⁶ landsbyfelleskap (a la den russiske mir)

¹⁰⁷ som ligner på

¹⁰⁸ deling

¹⁰⁹ mektig

¹¹⁰ knytte an til

¹¹¹ inkarnere, kroppsliggjøre, realisere

¹¹² foster, kime

славянском. Артель и сельская община, раздел прибýtка¹¹⁴ и раздел полей, мирская сходка и соединение сел в волости¹¹⁵, управляющиеся¹¹⁶ сами собой, — все это краеугольные камни¹¹⁷, на которых созиждется¹¹⁸ храмаина¹¹⁹ нашего будущего свободно-общинного быта. Но эти краеугольные камни — все же камни... и без западной мысли наш будущий собор¹²⁰ остался бы при одном фундаменте.

Такова судьба всего истинно социального, оно невольно влечет к круговой поруке¹²¹ народов... Отчуждая¹²², обособляясь¹²³, одни остаются при диком общинном быте, другие — при отвлеченной¹²⁴ мысли коммунизма, которая, как христианская душа, носится над разлагающимся¹²⁵ телом¹²⁶.

Восприимчивый¹²⁷ характер славян¹²⁸, их женственность¹²⁹, недостаток¹³⁰ самостоятельности¹³¹ и большая способность усвоения¹³² и пластицизма¹³³ делают их по преимуществу¹³⁴ народом, нуждающимся в других народах, они не вполне довлеют себе. Оставленные на себя¹³⁵, славяне легко “убаюкиваются¹³⁶ своими песнями”, как заметил один византийский летописец¹³⁷, “и дремлют”. Возбужденные¹³⁸ другими, они идут до крайних следствий¹³⁹; нет народа, который

---

113 slumrer
 114 overskudd
 115 volost, historisk: slags herred,
 116 som styrer
 117 краеугольные камни hjøresten
 118 skapes, dannes
 119 gudshus
 120 katedral
 121 круговой поруке = prinsipp a la ’en for alle, alle for en’
 122 gjøre fremmed for,
 123 avsondre seg
 124 abstrakt
 125 som går i oppløsning
 126 legeme
 127 som er mottakelig (for inntrykk)
 128 her betyr åpenbart slavjane ’slavere’
 129 femininhet,
 130 mangel
 131 initiativ, selvvirksomhet.
 132 Det å tilegne seg noe
 133 plastiskhet, formbarhet
 134 i særklasse
 135 Оставленные на себя overlatt til seg selv
 136 lulle i søvn, berolige
 137 krønikeskriver
 138 oppvekket
 139 konsekvens, følge

глубже и полнее усвоивал¹⁴⁰ бы себе мысль других народов, оставаясь самим собою. Того упорного¹⁴¹ непонянья друг друга, которое существует теперь, как за тысячу лет, между народами германскими и романскими, между ими и славянами нет. В этой симпатичной, легко усвояющей, воспринимающей натуре лежит необходимость отдаваться¹⁴² и быть увлекаемым¹⁴³.

Чтобы сложиться в княжество¹⁴⁴, России были нужны варяги¹⁴⁵.

Чтобы сделаться государством — монголы.

Европеизм развил из царства московского колоссальную империю петербургскую.

“Но при всей своей восприимчивости¹⁴⁶ не оказали ли славяне везде полнейшую неспособность к развитию современного европейского, государственного чина, постоянно впадая или в отчаяннейший¹⁴⁷ деспотизм, или в безвыходное¹⁴⁸ неустройство¹⁴⁹?”

Эта неспособность и эта неполнота¹⁵⁰ — великие таланты в наших глазах.

Вся Европа пришла теперь к необходимости деспотизма, чтоб как-нибудь удержать современный государственный быт против напора¹⁵¹ социальных идей, стремящихся¹⁵² водворить¹⁵³ новый чин¹⁵⁴, к которому Запад, боясь и упираясь¹⁵⁵, все-таки несетя с неведомой¹⁵⁶ силой.

Было время, когда полусвободный¹⁵⁷ Запад гордо¹⁵⁸ смотрел на Россию, раздавленную императорским тронem, и образованная Россия, вздыхая, смотрела на счастье старших братии¹⁵⁹. Это время прошло. Равенство рабства водворилось.

---

¹⁴⁰ tilegne seg

¹⁴¹ standhaftig

¹⁴² hengi seg, gi seg over

¹⁴³ быть увлекаемым = la seg rive med

¹⁴⁴ fyrstedømme

¹⁴⁵ varjagene, vikingene

¹⁴⁶ mottakelighet

¹⁴⁷ fortvilet

¹⁴⁸ uten utgang

¹⁴⁹ uorden, vanstell

¹⁵⁰ mangel på helhet

¹⁵¹ påtrykk

¹⁵² som streber mot

¹⁵³ innføre

¹⁵⁴ her: orden (samfunns-)

¹⁵⁵ prøver å motstå

¹⁵⁶ ukjent, hemmelighetsfull

¹⁵⁷ halvfri

Мы присутствуем¹⁶⁰ теперь при удивительном зрелище¹⁶¹: страны, где остались еще свободные учреждения¹⁶², и те напрашиваются¹⁶³ на деспотизм. Человечество не видало ничего подобного со времен Константина, когда свободные римляне, чтоб спастись от общественной тяги¹⁶⁴, просились в рабы.

Деспотизм или социализм — выбора нет.

А между тем Европа показала удивительную неспособность к социальному перевороту.

Мы думаем, что Россия не так неспособна к нему, и на этом сходимся с славянами¹⁶⁵. На этом основана наша вера в ее будущность. Вера, которую я проповедовал¹⁶⁶ с конца 1848 года.

---

¹⁵⁸ stolt

¹⁵⁹ brødre

¹⁶⁰ være til stede, overvære

¹⁶¹ et syn

¹⁶² institusjoner

¹⁶³ ber om om å få

¹⁶⁴ trekkraft, trykk

¹⁶⁵ slavofilene

¹⁶⁶ forkynne